

Культура

Гонконг — первый порт заграничного путешествия Чехова

© 2009

Д. Капустин

Статья посвящена первому заграничному путешествию тридцатилетнего А.П. Чехова на одном из судов Добровольного флота, в частности — малоизвестному факту биографии Чехова — его остановке в Гонконге осенью 1890 г. по пути с Сахалина в Одессу. В статье представлены личные впечатления Чехова о Гонконге, изложенные в письмах. Вид Гонконга из архива А.П. Чехова публикуется впервые.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Гонконг, путешествия, письма, колониальная политика.

Хорошо известно, что Чехов с детства был заражен (по его же выражению) “доброкачественной заразой” — страстью к путешествиям. Он немало поездил по России, особенно по ее югу, многократно бывал в различных странах Европы, но еще больше мечтал о самых экзотических маршрутах.

Но об одном путешествии он даже и не мечтал, и оно случилось с ним неожиданно-негаданно. И было оно в Гонконг — самое первое заграничное путешествие “молодого и красивого” беллетриста Антона Чехова. Он действительно был молод и красив. Ему только что исполнилось 30 лет. Буквально за месяц до этого он писал А.С. Суворину, своему старшему и задушевному другу-покровителю, издателю газеты “Новое время”: “В январе мне стукнет 30. Подлость. А настроение у меня такое, будто мне 22 года¹.”

А вот портрет Чехова той поры, автор которого отнюдь не его почитатель (мягко говоря), писатель Н. Ежов: “В 1889—1890 г. Антон Павлович Чехов был высокий (*по разным данным, 185—187 см.* — Д.К.) стройный и весьма красивый молодой человек <...>. Лицо у него было жи-

вое, открытое, с прекрасными светло-кариими глазами, “как копейки”, очень умными, иногда задумчивыми <...>. Волосы на его голове волнистые, темные и обильные <...>. У него был голос слабый — и уж вовсе не басового оттенка. Смех у Чехова был приятный и душевный”².

Гонконг оказался на пути Чехова осенью 1890 г., когда он возвращался с Сахалина в Одессу “кружным путем” — вокруг Азии. Писатель прибыл в эту английскую колонию на китайской земле как пассажир парохода “Петербург”. Это судно входило в состав российского Добровольного флота³ и предназначалось для связи с Дальним Востоком — перевозок арестантов и грузов, а затем и переселенцев. По вахтенному журналу парохода российские чеховеды с абсолютной точностью установили, что судно находилось в Гонконге 71 час, т.е. без малого трое суток, 26—29 октября (7—10 ноября по европейскому календарю), причем большую часть времени на ремонте в Абердинском доке.

Хотя стоянка была непродолжительной, она оставила весьма любопытный след в биографии писателя. Свои краткие впечатления о Гонконге Чехов изложил по возвращении в письме от 9 декабря 1890 г. А.С. Суворину. Оно вошло в самый первый сборник писем писателя, изданный в 1912—1916 г. под редакцией М.П. Чеховой⁴.

Однако после Октябрьской революции этому письму (как, впрочем, переписке писателя в целом) очень не повезло с цензурой. В советском переиздании писем А.П.Чехова в 1948—1952 гг. (в Полном собрании сочинений и писем в 20-ти т.) было сделано около 500(!) купюр⁵. Абзац о Гонконге был сокращен на 3/4. И целиком он был воспроизведен лишь в 1963 г. — 50 лет спустя после публикации — в двенадцатитомнике А.П.Чехова, изданном “Художественной литературой”.

Большое путешествие на Восток

Очевидно, что знаменитое путешествие на Сахалин с самого начала задумывалось Чеховым более широко, а именно, как путешествие на Восток, включая зарубежный. Уже с первых вариантов маршрута, известных по чеховской переписке, замысел становится ясным: поездка через Сибирь на “перекладных” и на пароходах (Транссибирской железнодорожной магистрали тогда еще не существовало), два месяца пребывания на Сахалине и возвращение в Одессу вокруг Азии на одном из судов Добровольного флота. Суда эти регулярно ходили на Дальний Восток (по положению — не менее 7 раз в год) и объявляли свои маршруты следования и порты захода перед началом очередного года.

16 марта в письме собрату по перу И. Леонтьеву (Щеглову) маршрут представлен в законченном виде: “В апреле ведь я уезжаю, и увидимся мы едва ли ранее января! Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манила, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва, Питер, Церковная ул...”.

Все отмеченные заморские порты были “реперными” пунктами Добровольного флота, где находились его агенты или даже российские консулы. Известно также, что, пользуясь своими связями, Чехов в январе 1890 г. встречался с сенатором В.Я. Голубевым для “утрашки” дел с Доброфлотом. Следовательно, маршрут составлялся им отнюдь не вслепую.

Но, между прочим, во всех чеховских вариантах Гонконга не было и в помине.

А вот другой пункт будущего путешествия, быть может, казался писателю особенно желанным — китайский Ханькоу (ныне — составная часть г. Ухань). Отстоявший на 300 км от Шанхая вверх по течению могучей Янцзы, он, тем не менее, был крупным морским портом, а главное — центром чаоторговли Китая. Здесь было много купцов из России, большая русская община, российское консульство (наряду с Шанхаем и Фучжоу) и даже русская православная церковь. Отсюда через весь Китай и Кяхту шел главный поток чая в Россию. Несомненно, посещение этого глубинного китайского города было для писателя некой данью юношеским годам, когда, сидя в отцовской лавке в Таганроге под вывеской “Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары”, юный Антоша развешивал душистую траву-заварку из больших коробок с загадочными наклейками и надписями на боку “Ханькоу, Китай”⁶.

Большое путешествие на Восток было глубоко продуманным предприятием. Доказательство этому — та дотошная исследовательская работа, которую начал писатель в январе 1890 года. 28 февраля Чехов писал Суворину в полужутливой форме: “С книгами я буду приставать к Вам до самого своего отъезда. И теперь я прилагаю список журналов, мне нужных. Верьте, Ваше Превосходительство, что я уже достаточно наказан за беспокойство: от чтения присылаемых Вами книг у меня в мозгу завелись тараканы. Такая кропотливая анафемская работа, что я, кажется, околею с тоски, прежде чем попаду на Сахалин”. Кроме Суворина, к ней были подключены брат Александр, сестра Маша с подругами и даже актриса Клеопатра Каратыгина, одна из приятельниц писателя, которая делилась воспоминаниями (в длинных “письмах-романах”) о своей жизни в Сибири, на Сахалине, а также в Кяхте, важном перевалочном пункте китайско-русской торговли в те времена.

Но не только Сахалин был объектом чеховского интереса. В сохранившемся списке книг, составленных собственноручно Чеховым и прочитанных им до отъезда 21 апреля 1890 г., значатся 65 наименований. Среди них книги о путешествиях — например, о знаменитом, первом в истории русского флота, кругосветном плавании И. Крузенштерна и Ю. Лисянского на шлюпах “Нева” и “Надежда”, о плаваниях в дальневосточных водах отважного француза Лаперуза (на французском языке), о “земле Камчатке” С. Крашенинникова, об эпохальном сахалинском открытии Г. Невельского и др.

Несколько работ было посвящено соседним с Россией дальневосточным странам. Это, в частности, трехтомник “немца голландского подданства” Ф. Зибольда “Путешествие по Японии или описание Японской империи” в переводе Н.В. Строева (СПб., 1854); весьма информативное исследование К. Скальковского, присланное знакомым Чехову автором, “Русская торговля в Тихом океане. Экономические исследования русской торговли в Приморской области, Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии. СПб., 1883), известный в те времена труд врача, путешественника и художника А. Вышеславцева “Очерки пером и карандашом. Из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах” (Пб., 1867). Под номером 36 в этом же списке значится произведение И.А. Гончарова “Фрегат “Паллада” — романтизированное описание плавания “к далеким берегам”, прежде всего дальневосточным. Сохранившиеся письма 19-летнего Антона брату Михаилу и 40-летнего Антона Павловича к Г.И. Россолимо, “однокласснику” по факультету, известному врачу-психиатру, свидетельствуют, что

“Фрегат...” на протяжении всей жизни оставался его любимым произведением, несмотря на некоторое охлаждение писателя к творчеству Гончарову в целом.

Надо подчеркнуть, что А.П. Чехов всегда в душе оставался путешественником, “человеком с кровью странника в жилах”. Он не только много ездил, но еще больше мечтал. Мечтал о кругосветном плавании, о поездках в Африку, в Скандинавию, “в Ледовитый океан”, в Чикаго на Всемирную выставку, в Среднюю Азию и Персию (даже был на пути туда в 1888 г., но в Баку “судьба повернула оглобли”). И даже незадолго до смерти собирался в Маньчжурию в качестве врача на русско-японскую войну.

Его перу принадлежит проникновенный, даже патетический “короткий вопль” в память известного русского путешественника (и по совместительству генерал-полковника Генерального штаба) Н.М. Пржевальского (1839—1888 гг.), неожиданно умершего от тифа в начале своей пятой экспедиции в Центральную Азию и Тибет. Это была передовая (без подписи) статья в “Новом времени”. Размышляя о подобных “людях подвига” (Стэнли, Миклухо-Маклай, Левингстон), Чехов утверждал, что для любого общества “подвижники нужны, как солнце”, ибо они олицетворяют “высшую нравственную силу”. “Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно”, — признавался он затем в одном из писем. Правда, неизвестно, читал ли Чехов последний из трудов путешественника “От Кяхты на истоки Желтой реки” с “всеподданейшим посвящением государю-наследнику”, вышедший как раз в год кончины автора. В 13-ой главе, которая всегда опускалась в советских переизданиях, Пржевальский демонстрировал махровый великорусский шовинизм, называл китайцев “полудиким народом”, “одряхлевшим умственно и нравственно”, неспособным к возрождению, и призывал к выяснению отношений с Китаем силой оружия.

Чеховеды до сих пор дискутируют: что так неожиданно толкнуло Чехова в далекий и небезопасный путь? Выпускник Московского университета, практикующий врач, уже известный, как говорили в те времена, беллетрист, обладатель престижной Пушкинской премии (совместно с В.Г. Короленко), автор “Степи”, пьесы “Иванов” и ряда водевилей, пользовавшихся популярностью на российских подмостках. Казалось бы, чего еще нужно? Однако, некий внутренний разлад, чувство недовольства собой, ранняя смерть талантливого и близкого по духу брата-художника, запутанность отношений с поклонниками, необходимость новых впечатлений, острый интерес к сахалинской каторге, отсутствие “кусочка общественной жизни”, неоднократно продекларированное желание “отдать дань медицинской науке”, а также “страсть к передвижению” — все это вкуче, надо полагать, звало и подталкивало писателя к путешествию на Сахалин и далее на Восток в стиле Гончарова и Пржевальского.

Трудный путь от Москвы через Сибирь, похожий на “тяжелую, затяжную болезнь” занял 81(!) день. Потом были 3 месяца “плюс 2 дня” на каторжном острове. Эти этапы путешествия отображены в путевых очерках “По Сибири” (которые печатались в “Новом времени”, но не были включены автором в первое, прижизненное, собрание собственных сочинений), в некоторых рассказах, а также в знаменитой книге “Остров Сахалин”, выпущенной отдельным изданием в 1895 г. московским журналом “Русская мысль”.

Книга о сахалинской каторге вызвала резонанс в России и была замечена даже за границей. Но Чехов то радовался выходу своего детища, то почему-то сетовал, что “книжка ни на что не пригодилась <...>, никакого эффекта она не

вызвала”, и в конце концов заключил: “Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей арестантский халат. Пусть висит!”

Не смог Чехов представить книгу и в качестве диссертации (с помощью “однокашника” по университету известного профессора-психиатра Г.И. Россомо, помыслы о которой не оставляли его все послеуниверситетские годы. Ученая степень давала не только почет и уважение, возможность читать лекции в университете (о чем Чехов мечтал и даже делился оригинальными идеями своих лекций с коллегами-медиками), но и в перспективе — ощутимые социальные привилегии, ибо по “табели о рангах” царской России звание профессора приравнивалось к генеральскому чину.

Потомки, однако, оценили “Остров Сахалин” гораздо выше, справедливо полагая, что этот труд А.П. Чехова — еще и начало в русской литературе темы протеста против насилия и преступлений власть предержащих, апофеозом которой стал “Архипелаг Гулаг” А.И. Солженицына.

К огромному сожалению, Чехову не удалось познакомиться близко с зарубежным Востоком, с великими азиатскими цивилизациями. Еще до отъезда на Южный Сахалин его настигла пренеприятная новость. “...Со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку, — писал он Суворину 11 сентября. — Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу (ныне г. Яньтай в КНР. — Д.К.), Суэце и, кажется, даже на Луне — всюду холера, везде карантины и страх”.

Гонконг, год 1890-й

Но в начале октября стало известно, что прибывший пароход Добровольного флота “Петербург” все-таки отправится в обратный путь в Одессу под карантинным флагом с заходом в немногие порты, открытые к тому времени. Пленительный первоначальный план путешествия рухнул...

О самом плавании вокруг Азии известно немного — по отдельным строкам писем А.П. Чехова и немногими воспоминаниям брата Михаила со слов писателя. Однако ряд дополнительных документов дает возможность заполнить это пробел.

Вахтенный журнал “Петербурга” сообщает, что судно вышло из порта Корсаков на Южном Сахалине “в ночь с 13-го на 14-е октября”, а 16—18 октября находилось в бухте “Золотой Рог” во Владивостоке⁷.

Сразу по прибытии, выяснив ситуацию, Чехов в “4 ч. 45 м. пополудни” дал телеграмму брату Михаилу: “Буду Москве десятого декабря плыву Сингапур”.

Заметим, Сингапур, а не Гонконг.

Во Владивостоке в канцелярии военного губернатора Приморской области Чехов получил заграничный паспорт на имя Antonie Tschechhoff для поездки “морским путем за границу”, а затем у агента Доброфлота во Владивостоке В.А. Терентьева приобрел билет на пароход. Между прочим, Владимир Африканович Терентьев (1841—1910), дослужившийся на своем посту до контр-адмирала, был колоритной фигурой, своими делами и озорным юмором оставившей след в истории российского Приморья.

19-го октября, как записано в вахтенном журнале, “в 19 ч. 30 м. подняли якорь и дали ход”. Через неделю хода по Японскому морю, Корейскому и Формозскому проливам пароход “Петербург” встал на рейде... Гонконга.

Куинз Роуд — центр Гонконга (конец XIX в.)

По-видимому, в последний момент произошло изменение маршрута. На другой день после выхода из Владивостока в судовом журнале уже значилось плавание “Японским морем из Владивостока в Гонконг”. Возможно, это было вызвано необходимостью ремонта, который не могли выполнить во Владивостоке. А скорее всего, из-за проблемы шести американских китобоев, которые на вельботе потеряли судно-матку у берегов Сахалина, и их штормом выбросило на берег. Затем с помощью русских они искали возможность добраться до ближайшего порта, где есть американский консул.

В архивах Музея истории Гонконга автору удалось разыскать местные газеты того времени, в которых сообщалось о прибытии в колонию 7 ноября 1890 г. “русского парохода “Санкт-Петербург”, водоизмещением 1821 т, без груза, под командованием капитана Гултала (неточность: Гутана. — Д.К.), вышедшего из Владивостока 31-го октября”. Первоначальное сообщение было подписано компанией “Мелчерс и Ко” (по-видимому, торговым партнером Добровольного флота). Затем в течение трех дней в рубрике “Судоходство” судно отмечалось как находящееся в Абердинском доке и, наконец, как “прошедшее таможенную очистку 10-го ноября в офисе главного шкипера гавани и ушедшее на Сингапур”⁸.

Вот так неожиданно для себя писатель Чехов и очутился в колониальном анклав Гонконг, который появился на китайской земле еще в 1842 г. после Первой Опиумной войны. Тогда по Нанкинскому договору Великобритания захватила “в вечное владение” сам остров, а затем в 1860 г. (после Второй Опиумной войны, согласно Пекинскому договору) и южную часть континентального полуострова Коулун. Впоследствии Великобритания “прибрала” также прилегаю-

щие обширные участки суши и 235 островов, оформив все это в 1898 г. как “аренду Новых территорий на 99 лет” за издательскую плату в 1 доллар.

Гонконг 1890 г. являл собой главный военно-стратегический пост Великобритании на Дальнем Востоке и важный торгово-перевалочный порт. В те времена вся жизнь колонии была сосредоточена на самом острове Гонконг, а точнее, на узкой прибрежной полосе, напротив полуострова Коулун. Сама колония практически ничего не производила. Здесь имелись лишь пара заводов (по переработке сахара и спиртово-водочный) и, естественно, множество кустарных китайских мастерских. Главными статьями торговли (а точнее, реэкспорта) Гонконга были: опиум, хлопок, сахар, соль, пряности, амбра, бетельный орех, фаянсовая посуда, изделия из слоновой кости и дерева (сандал, бамбук и др.)

Но это был главный порт на пути торговли европейских стран с Китаем и Японией. К тому же здесь были три прекрасно оснащенных дока — два на Коулуне и один в Абердине (на самом острове). Крупнейшие пароходные компании мира “гнездились” в Гонконге или имели свои представительства. Здесь же находились консульства многих стран мира.

Порт буквально кишел судами разных стран и китайскими джонками. Местная пресса сообщала, что в 1888 г. порт посетили 4000 китайских судов и джонок, 2640 британских кораблей, 693 германских, 49 судов США, 37 японских и лишь 7 русских. Гонконгские англоязычные газеты того времени внимательно следили за перемещениями всех судов в регионе, в том числе и военных. Более того, существовала даже колонка о прибытии и отбытии не только крупных судов, но и сколь-нибудь именитых пассажиров.

В тот период население колонии составляло 150 тыс. чел., из которых собственно англичан было только 10 тыс., плюс 50 тыс. представителей других наций (включая 2 тыс. индусов, которые нередко вместе с семьями пришли с колониальными войсками). К этому времени, т.е. почти за 50 лет колонизации, англичане постепенно устроили себе здесь колониальный рай “на уровнях”, т.е. на склонах горы Виктория, повыше от прибрежной полосы с ее влажной духотой, суетой и малярийными болотами (которые в конце концов были осушены). В 1888 г. остров Гонконг и Коулун были связаны быстрыми и удобными паромными “Star Ferry”, существующими и по сей день. Тогда же была также завершена прокладка железнодорожного фуникулера на гору Виктория, способствовавшая переселению колонистов на более высокие и прохладные “уровни”. Передние два места фуникулера были “губернаторскими” и никогда не занимались никем. С 1890 г. дома и улицы Гонконга освещались электрическим светом.

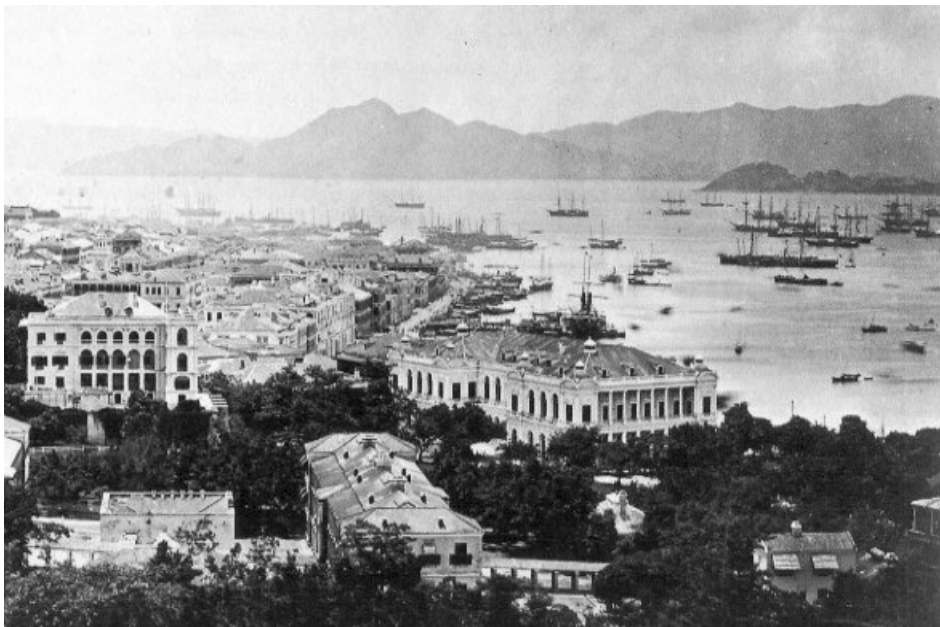
По образу и подобию метрополии была перестроена и вся жизнь колонии, начиная от левостороннего движения по улицам и отелей европейского класса (с горячей водой и ватерклозетами) и кончая разного рода клубами по интересам — жокейским, драматическим, женским, немецким и т.д. Обеспечивали эту благополучную жизнь многочисленные китайские матросы, кули и рикши, местные мастеровые и мелкий служивый люд, служанки и индусы-полицейские — все вышколенные британцами до немедленного автоматического — “yes, sir”.

Вот как описывал Гонконг этих лет знаменитый Джозеф Редьярд Киплинг, посетивший колонию всего лишь за год до Чехова, но “обратным маршрутом” из Бомбея через Азию и Америку в Великобританию. Ему еще не было 25 лет, он навсегда покидал Индию, впечатления о которой дали ему столько пищи для творчества, оцененного 1907 г. Нобелевской премией (1907 г.). Подданный британской короны, “англоиндус”, т.е. англичанин, родившийся в Индии, он чув-

ствовал себя в Гонконге как дома, да и пробыл он там дольше. Поэтому его наблюдения о Гонконге глубже и насыщеннее чеховских. Киплинг ходил по тем же улицам, что и Чехов, также взбирался на поезде-фуникулере на гору Виктория Пик, ездил на “рикше” (рикше), посещал тот же самый клуб для моряков. Иногда их впечатления совпадают почти текстуально. Вот как у Киплинга: “Еще дальше от берега стоят на якоре пароходы. Они не поддаются подсчету, и четыре из пяти принадлежат нам <...>. Гонконг раз в десять оживленнее Сингапура. Повсюду что-то строят, куда ни посмотри, повсюду возвышаются колоннады и купола, дома оборудованы газовыми рожками”⁹.

Или еще цитата там же: “На главной улице почти все дома выходят на проезжую часть верандами, а европейские магазины словно хвастают огромными зеркальными витринами <...>. Гонконг удивляет необычной чистотой, одинаковыми трехэтажными домами и верандами, тротуарами, вымощенными камнями. Мне попала на глаза только одна лошадь. Она присматривала за телегой на приморской улице. Наверху единственными экипажами служили рикши”¹⁰.

А вот как описал свои впечатления А.П. Чехов в знаменитом письме А.С. Суворину от 9 декабря 1890 г.: “Первым заграничным портом на моем пути был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил на дженерихче, т.е. на людях (двухместная повозка с рикшей. — Д.К.), покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплуатацию (так в подлиннике — Д.К.) инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?”

Подъем по железной дороге на гору и “замечательную панораму” Гонконга, открывающуюся оттуда, Чехов вспоминал позднее в письме сестре из Непополя в апреле 1891 г. после посещения монастыря на склонах Везувия.

Между прочим, тонкая, как бы в восточном стиле зарисовка Гонконга (через окно иллюминатора) присутствует в рассказе “Гусев”¹¹ — первой публикации Чехова после путешествия. Вот она, если опустить диалог героев, находящихся в лазарете:

“Качки нет, и Павел Иванович повеселел. Он уже не сердится <...>. Круглое окошечко открыто, и на Павла Ивановича дует мягкий ветерок. Слышны голоса, шлепанье весел о воду... Под самым окошечком кто-то завывает тоненьким, противным голоском: должно быть, китаец поет.

— Да, вот мы и на рейде, — говорит Павел Иванович, насмешливо улыбаясь. — Еще какой-нибудь месяц, и мы в России <...>.

Гусев не слушает и смотрит в окошечко. На прозрачной, нежно-бирюзовой воде, вся залитая ослепительным, горячим солнцем, качается лодка. В ней стоят голые китайцы, протягивают вверх клетки с канарейками и кричат:

— Поет! Поет!

О лодку стукнулась другая лодка, пробежал паровой катер. А вот еще лодка: сидит в ней толстый китаец и ест палочками рис. Лениво колышется вода, лениво носятся над нею белые чайки.

“Вот этого жирного по шее бы смазать...” — думает Гусев, глядя на толстого китайца и зевая. Он дремлет, и кажется ему, что вся природа находится в дремоте”.

Отечественный ад и колониальный оазис

Личные впечатления Чехова о Гонконге пришлось не по нраву партийно-литературным цензорам при первом советском переиздании писем. Со слов “даже на картинках” весь последующий текст до конца абзаца был опущен.

Политически подкованные современники, конечно, сразу понимают всю подоплеку: иконообразный классик, представитель “критического реализма” (по определению “самого” А.М. Горького), изрекавший когда-то с плакатов агитпропа, что “в человеке все должно быть прекрасно...”, ни в коем случае “не должен”, “не может” восхвалять английский империализм. Тем более использовать рабский труд рикши. К тому же в момент подготовки первого переиздания в СССР чеховских писем в стране шла “борьба с космополитизмом”. И поэтому в духе времени было произведено литературно-хирургическое вмешательство, которое никто и не заметил (или не хотел замечать), разве что какой-нибудь “антисоветчик” типа Глеба Струве¹².

Весьма любопытно, что и ранее абзац о Гонконге также был обойден цитированием, но прокомментирован весьма неожиданным образом. Так, в знаменитой (горьковской) серии “Жизнь замечательных людей” этот фрагмент довольно полно излагался в раскавыченном виде (за исключением упоминания о рикше) с легким сарказмом по поводу чеховских размышлений и делался такой вывод: “Нельзя не расслышать в этих наивных рассуждениях отголосок все еще продолжающегося воздействия суворинской идеологии. Именно такую “цивилизацию” и защищало “Новое время”, отлично понимавшее философию британского воинствующего империализма, что было тогда совершенно недоступно для Чехова”¹³.

Взаимоотношения с А.С. Сувориным — особая страница в биографии А.П. Чехова. Как справедливо заметил английский славист Д. Рейфилд, если бы письма Суворина к Чехову удалось найти, то “чеховскую жизнь... можно будет переписывать заново”. Известно, что на другой же день после смерти Антона Павловича Суворин послал нарочных к М.П. Чеховой, чтобы вернуть свои письма. К тому времени личные взаимоотношения Чехов — Суворин едва теплились, а с “Новым временем” произошел полный разрыв.

Юрий Соболев, знаток творчества писателя с дореволюционной поры, конечно знал, что “вождь мирового пролетариата” (как ни странно, не оставив прямых оценок творчества Чехова), пригвоздил Суворина к позорному столбу как “лакея царя”. Причем, сделал это решительно, по-большевистски (в некрологе издателю) за то, что тот, некогда либеральный журналист, “повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими”¹⁴.

Но Ю. Соболев прямо не упомянул В.И. Ленина в этом контексте (хотя и цитировал его по другому поводу), тонко объяснив привходящим влиянием “идейную незрелость” молодого писателя. Знал он, конечно, и то, что критиков, которые шли дальше и навешивали ярлык “мелкобуржуазности” на Чехова,правлял сам Луначарский (кстати, в молодые годы посетивший его в Ялте).

Конъюнктурность данной оценки подтверждает и тот факт, что логика критики Соболева не очень “вяжется” с другими выводами Чехова из того же самого письма. Вот поистине убийственная оценка освоения Россией Приморья: “О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя...”.

Как вот это объяснить “отравлением суворинской идеологией”?

Чехов, как отмечалось, не предполагал остановку в Гонконге и, вероятно, имел общее представление о нем на уровне книг, с которыми знакомился или перечитывал перед поездкой — Гончарова, Скальковского (ранее проехавшего по тому же маршруту на корабле Доброфлота), Вышеславцева и “Морского сборника” военно-морского ведомства (который он интенсивно штудировал).

Следует подчеркнуть, что “Фрегат “Паллада” Гончарова, который всю жизнь так любил Антон Чехов, была своеобразной книгой, романтически преподносившей трудное и опасное плавание российской эскадры под командованием вице-адмирала и опытного дипломата Е.М. Путятина на Дальний Восток и в Русскую Америку. Уже в начале похода последняя из его целей была снята, но осталась весьма сложная задача установления дипломатических и торговых отношений с Японией. Сама экспедиция проходила в годы Крымской войны, и Путятин прямо предупреждал всю команду, что в случае встречи с вражескими кораблями (Англии и Франции) он вынужден будет вступить в бой.

О трудностях экспедиции говорит и тот факт, что истрепанный штормами и длительным переходом флагман — фрегат “Паллада” был заменен (и брошен в Татарском проливе) другим, подошедшим судном “Диана”, которое в свою очередь вскоре погибло у берегов Японии в результате цунами. (Ко времени этой катастрофы “летописец экспедиции” с разрешения командующего уже покинул экспедицию и через Сибирь отправился в Петербург).

Гончаров сам признавался, что писал “верное, до добродушия сказание”, и поэтому трудности военно-дипломатической миссии оказались на втором плане, как бы заслоненные картинами странствий в дальние страны, вышедшими из-под

“славного”, “разумно-ловкого пера” (как выразился поэт В. Бенедиктов). Вероятно, это и подметил А.И. Герцен, который опубликовал едкую пародию на путевые очерки Гончарова в своем “Колоколе” (1 декабря 1857 г.) под заголовком “Необыкновенная история о цензоре Гон-ча-ро из Ши-пан-ху”, где упрекал автора (к тому времени назначенного цензором) в “плотоядности” и неподготовленности.

Миссия Путятина, как известно, после всех злоключений и трудностей увенчалась успехом — подписанием в 1855 г. Симодского трактата. По нему Япония открывала для торговли 3 порта с правом учреждения там российских консульств, а Сахалин, признавался “совместным, неразделенным владением”. Однако уже с 1875 г., согласно Санкт-Петербургскому договору с Японией, остров стал “весь вполне” принадлежать Российской империи.

Необходимо заметить, что к своим зарубежным поездкам Антон Павлович относился как к развлекательным, туристическим, никогда не писал путевых очерков, хотя они и давали кое-какие “зерна” для его творчества. Судя по письмам той поры, таким же “легким” было отношение и к путешествию вокруг Азии.

Но при всем при том, Чехов всегда оставался самим собой и имел правило выносить собственное суждение, каким бы неудобным оно ни было. Это касается и его азиатских впечатлений и сравнений со своей родиной — Россией.

В этом плане, может быть, ближе к истине был Леонид Леонов, сказавший о Чехове еще в 1944 г.: “Он бесконечно любил свою родину, хотя и не очень часто распространялся об этом <...>. Но, любя свою родину, он никогда не льстил ей”¹⁵.

И.А. Бунин в своих воспоминаниях о Чехове в газете “Русское слово” (1914 г.) писал: “Чувство собственного достоинства, независимости было у него очень велико, но ему не нужно было стараться проявлять его, — оно исходило от него, как некий радий”¹⁶.

“Кремень-человек” — называл его уже после смерти бывший друг А.С. Суворин и развивал эту характеристику далее: “В Чехове было что-то новое, независимое, как будто совсем из другой жизни, <...> как будто жестокость, но жестокость правоты и твердости”¹⁷. При этом он мог назвать, по свидетельству современников, А.П. Чехова “средним” писателем, “певцом среднего сословия”, который “никогда большим писателем не был и не будет”¹⁸.

Известно также, что Антон Павлович был далек от политики, не примыкал ни к каким партиям и при всех своих симпатиях старался сохранить собственную точку зрения. Это было частью его кредо — “по капле выдавливать из себя раба”.

Отсюда понятно, что после Сахалина, который Чехов охарактеризовал предельно кратко и емко — “ад”, Гонконг показался ему неким “оазисом”. Именно в этом контрасте он находил аргументы для возражения своим попутчикам. И именно поэтому представляется вряд ли справедливым утверждение, будто А.П. Чехов “не видел ничего дурного в европейской “эксплоатации” китайцев”¹⁹. В письме Суворину присутствует признание таковой, но она сравнивается с тем, что он увидел на собственной родине — на Сахалине, т.е. с эксплуатацией собственного населения, а не иностранного, оказавшейся куда уродливей.

А была ли японка?

Обнародование в последние 15—17 лет многих купюр из писем Чехова вовсе не испортило облик великого писателя. Наоборот, оно сделало его более объемным, честным и человеческим. Вместе с тем, отсутствие до сих пор полных

чеховских текстов писем в академическом издании и собраниях сочинений рождает недоразумения и даже курьезы. Особенно это касается зарубежных исследователей творчества А.П. Чехова, не готовых понять советскую цензурную казуистику. Они часто не подозревают, что за скромным отточиением в скобках — то есть пропуском в тексте, может быть скрыт пассаж, покруче мопаассановского. Один из таких казусов касается и пребывания писателя в Гонконге.

В 2004 г. к 100-летию со дня кончины А.П. Чехова книжное обозрение лондонской газеты “Гардиан” (3 июля) оповестило мир о неизвестном факте биографии писателя — посещении борделя в Гонконге и утехе с одной из его обительниц — японкой. Но автору публикации было невдомек, что приводимый им в подтверждение текст из чеховского “письма другу” относится вовсе не к экзотическому Гонконгу, а к российскому Благовещенску, который Чехов посетил по пути на Сахалин. И что все это Чехов описал (и даже проиллюстрировал рисунком) в письме от 27 июня 1890 г. все тому же Суворину²⁰.

По выходе из Гонконга пароход “Петербург” попал в жестокий шторм в Южно-китайском море. Случилось то, что предвидел в одном из писем Чехов, заочно хорошо изучивший регион, — тайфун. Его поразило, что он не подвержен морской болезни. Однако положение было критическим: небольшое незагруженное судно бросало как щепку и, казалось, оно вот-вот опрокинется. Как рассказывал сам Чехов брату Михаилу, по совету капитана он вынул из багажа свой револьвер марки “Смит и Вессон” и был готов пустить его в ход в случае неизбежности катастрофы.

Когда шторм успокоился, за борт по морской традиции сбросили завернутого в белое полотно покойника, уже второго за рейс. Эти эпизоды произвели сильное впечатление на писателя и, как знать, не они ли стали заключительным толчком к созданию рассказа “Гусев”, который Чехов “зачал” чуть позднее, на Цейлоне, там, где, по его словам, “был рай”.

Из семимесячного путешествия писатель привез много материалов, подарков и сувениров. Его багаж состоял из 21 места, и по дороге из Одессы телеграммой он просил родственников непременно встретить его. Среди сувениров было порядочно и “всякой дребедени”, накупленной в Гонконге: “китайский божок” (и, кажется, не один), расписные складные полочки, монеты, “термос в корзиночке”, лаковая чайная посуда, бамбуковая тросточка, вырезанный из бамбука фаллос, японская (?) грелка и др. Некоторые из этих вещей сыграли любопытную роль в жизни Чехова, обросли собственной историей. Кое-что сохранилось до сих пор в музеях А.П. Чехова.

* * *

1 мая 1904 г. тяжело больной Антон Павлович навсегда покинул свою Белую дачу в Аутке близ Ялты, дом, где были написаны “Три сестры”, “Вишневый сад”, “Дама с собачкой”, “В овраге” и другие шедевры. На письменном столе, недавно приобретенном сестрой, остались старые любимые вещи, сопровождавшие его по жизни — в Москве, в Мелихове, в Ялте. Среди них был и “китайский божок” — металлическая фигурка старца, как память о посещении пусть колониальной, но китайской земли.

1. Здесь и далее тексты писем А.П. Чехова цитируются по Полному собранию сочинений и писем в 30-ти т. (М.: Наука, 1974-1983).
2. *Ежов Н.М.* Алексей Сергеевич Суворин // Исторический вестник. 1915. N 1. С. 113, 116.
3. Добровольный флот — российское морское судоходное общество, основанное на добровольные пожертвования в 1878 г. для содействия торговому мореходству.
4. Письма А. П. Чехова в 6 т. / Под ред. М.П. Чеховой. М., 1912—1916.
5. См. *Чудаков А.* “Неприличные слова” и облик классика: о купюрах в изданиях писем Чехова // Литературное обозрение. 1991. N 11. С. 54.
6. Будучи любителем чая и чаепития, Чехов показал себя еще и знатоком китайских сортов чая (см. рассказ “Писатель”).
7. Все записи вахтенного журнала в статье цитируются по архивному оригиналу. — РГИА (СПб), ф. 98, оп. 1, л. 4909, лл. 71—125.
8. Hong Kong Daily Press. 1890. 8, 9, 11 Nov.
9. *Киплинг Р.* От моря до моря. М., 1983. С. 48—49.
10. Там же.
11. Полное собрание сочинений и писем Чехова. М., 1985. Т. 7.
12. См.: Чехов в советской цензуре // Новый журнал, Нью-Йорк, 1954. Кн. 37.
13. *Соболев Ю.* Чехов. М., 1934. С. 162.
14. *Ленин В.И.* Карьера // ПСС. 5-е изд. Т. 22. С. 44.
15. *Леонов Л.М.* Собр. соч. в 10 т. 1983. Т. 10. С. 153.
16. *Бунин И.А.* Из записной книжки // А.П.Чехов в воспоминаниях современников. М., 2004.
17. *Суворин А.* Чехов как человек // Путешествие к Чехову: Повести. Рассказы. Пьеса. Размышления о писателе. М., 1996. С. 430-431.
18. Литературное наследство. М., 1960. Т. 68. С. 485.
19. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007. С. 120.
20. Текст ранее не публиковавшегося письма см: *Чудаков А.* Цит. соч. С. 55.